

Если коротко и официально, то Александр Иванович СОКОЛОВ — доктор физико-математических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ». Область научных интересов — теория критических явлений, методы квантовой теории поля, сегнетоэлектрические и магнитные фазовые переходы, сверхпроводимость, физика фуллеренов. Но, гуляя по Интернету в поисках еще какой-нибудь информации о профессоре, наткнулась на это: «Страшный вепрь. Дикий человек. Но при этом предмет знает блестяще. Даже списывать стыдно...». «Мировой препод. Эрудиция, правильная подача материала (все понятно), лояльность, в общем, в «красной книге» таких еще поискать придется...». «Классный профессор. Знает ВСЕ что ГОВОРИТ». «Гениальный человек. Родись он лет на 150 пораньше, то вместо Гейзенберга, Планка, Шрёдингера и т.д. был бы один Соколов». Интересно, устами студентов глаголет истина?

— Александр Иванович, судя по этим откровениям, между вами и студентами существует некая дистанция, и исповедоваться к вам они не ходят. Предпочитают после экзаменов излить душу перед психоаналитиком Интернетом...

— Исповедоваться не ходят. Но прошлой весной студенты сделали мне потрясающий подарок. После экзамена попросили сфотографироваться с их группой. Этот снимок теперь стоит дома на пианино. Они сами не понимают, как меня порадовали.

— А началось все с того, что в сентябре 1945 года на свет появился обычный ребенок. Или необычный?

— Родился в семье военнослужащего. Папа к концу войны был заместителем командира зенитной батареи на Ленинградском фронте. На фронт ездил на трамвае. Мама в Калининской области рыла окопы, в 1944 году вернулась в Ленинград. После войны встал вопрос: что делать — демобилизоваться или остаться в армии? Папа ведь имел высшее образование, до войны работал инженером. Но офицерам хорошо платили — они были элитой. И папа принял решение остаться в армии, хотя он по сути совершенно не военный человек. На одном месте в Ленинграде и прослужил. Мама вела хозяйство, воспитывала нас с сестрой. Жили в одной комнате — метров двадцать. В 54-м году нам дали жилье уже в военном городке.

— Хорошо вы в школе учились? Что тогда читал будущий физик-теоретик?

— Школу закончил с золотой медалью. Увлекался классической фантастикой. Прочел всего Жюль Верна. Почти на пари с самим собой. Мне повезло с учителем литературы в восьмом классе. Его звали Феликс Федорович Перченков — лет тридцати пяти, взлохмаченный, круглые очки... Был абсолютно не похож на всех учителей — сочетание либерализма, эрудиции и жесткой дисциплины. Мог отличника спросить три дня подряд. Психология понятна — сегодня ответил, завтра хоть трава не расти. При его системе обучения мне грозила в восьмом классе годовая четверка по литературе. И Феликс сказал: за каждую выученную наизусть главу «Евгения Онегина» — по две пятёрки в журнал. Я стал учить. Остался после уроков отвечать. Начал: «Мой дядя самых честных правил...». Читал 10 минут, 20, он не останавливает. Пришла вторая смена — шестиклассники. Набиваются в класс, смотрят на меня и синеют от ужаса: во, в восьмом-то классе сколько задают... Я получил две пятёрки и приобрел ценнейший опыт. Слова «энциклопедия русской жизни» для меня стали не пустым звуком. А однажды Феликс нам устроил экскурсию по Невскому проспекту: Петербург пушкинских времен. Пообещал, если мы будем себя прилично вести, рассказать, как в одном из домов в начале Невского шестнадцатилет-

Неоконченный роман с ЛЭТИ

ний Пушкин сделал предложение даме, которая была старше его в два раза. Но мы сорвались и разбаловались. И он ничего нам не рассказал. Так я эту историю и не знаю.

— Тогда почему вы поступили в ЛЭТИ?

— Случайно. В конце 50-х годов

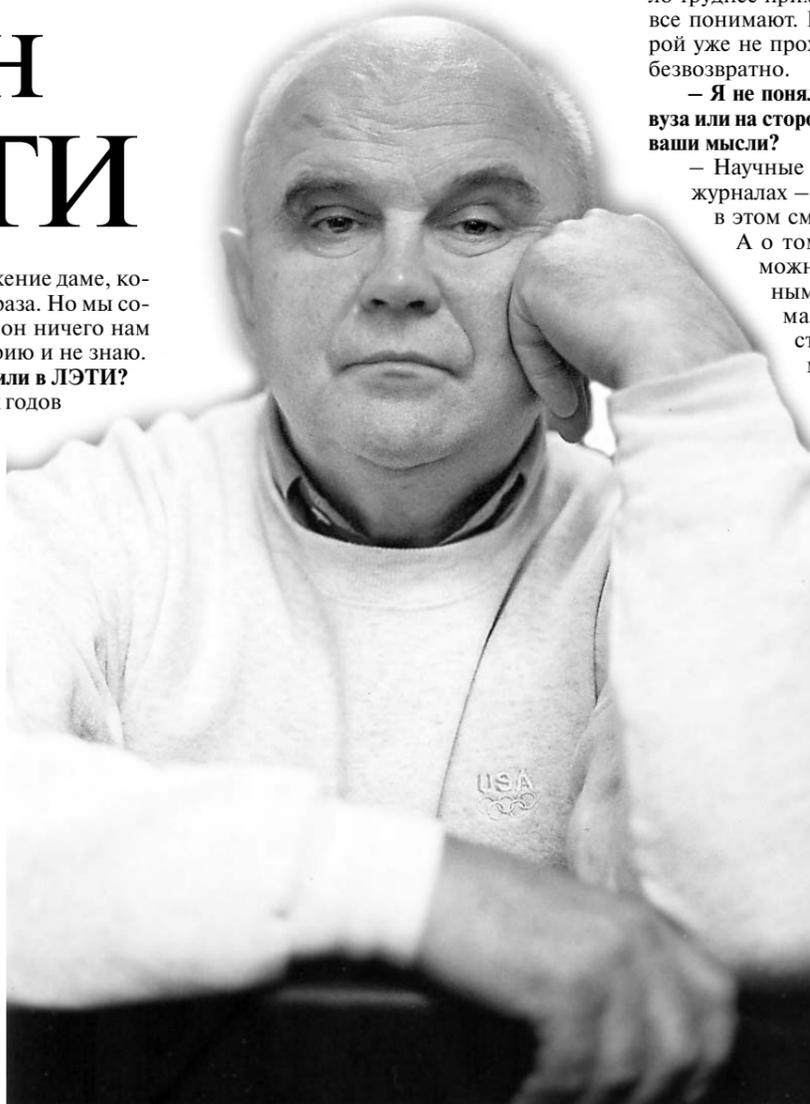
Хрущев провел военную реформу, и армию мощно сократили — на миллион двести тысяч человек. Под это сокращение попали многие воинские части. И квартиры в нашем доме стали сдавать городу. В одну из них въехал проректор ЛЭТИ. У него был сын — мой ровесник, мы учились в одном классе и стали закадычными друзьями. И его отец тихо и ненавязчиво провел пиар-кампанию. Он знал, что я иду на золотую медаль, и понимал, что институт не потеряет, если я в него поступлю. И я поступил — на радиотехнический факультет. Это была дань времени — я радиолобительством увлекался. Тогда мальчишки болели тремя болезнями — авиамоделизм, судомоделизм и радио. Факультет оказался очень сильным. Но на втором курсе я понял, что нахожусь не на своем месте. Понял резко и в тяжелой форме. Знаете, как бывает: если женщина никого не любит, но замужем, считается, что все нормально. Когда полюбила — тут уже невмоготу. Так же и у меня — я вдруг понял, что полюбил физику. Крепко и навсегда. Стал потихонечку заниматься этим делом помимо института и решил переводиться в Университет на физфак.

— Захотели изменить альма-матери?

— И дело это было непростое. Перевод осуществлялся по согласию двух ректоров — один сдает, другой принимает. Я написал заявление на имя нашего ректора Николая Петровича Богородицкого: «Прошу отчислить меня в связи с переходом на физфак Университета». И мотивировку придумал: «так как не чувствую в себе способности стать хорошим радиоинженером». Первым делом это к декану попало. И он в уголке моего заявления написал: «Студент Соколов является ленинским стипендиатом, и поэтому его заявление о том, что он не может стать хорошим инженером, необоснованно». Разбор этого заявления у ректора я помню как вчера. Дело происходило 3 июля 1964 года. Николай Петрович был человек очень популярный, харизматический, отец солдату, как говорят в армии. В аудитории набилось человек двести с заявлениями — прошу разрешить пересдачу, прошу не снимать со стипендии. И Богородицкий царской рукой одаривал всех хвостистов.

— То есть «казнить нельзя, помиловать»?

— Да. Мое заявление лежало в числе первых. Он читает: «Прошу отчислить...». Спрашивает: «Кто?». Я встаю — смущенный и робкий. Ректор читает резолюцию декана и мрачнеет дальше. В глазах стояло: «Что ж ты, негодяй?». В общем, он мне отказал. Так я закончил радиотехнический факультет. Но против себя не попрешь — я продолжал заниматься тем, что любил. Участвовал в математическом кружке, бегал в Универ-

ситет на вечерний факультет слушать математику. В общем, ходил налево. А на третьем курсе вдруг неожиданно для радистов поставили курс «Проблемы современной физики». Тогда физики были как гусары XX века. Приходит профессор Орест Генрихович Вендик, мой будущий научный руководитель. Фигура уже тогда значимая — молодой, без пяти минут доктор, очень интеллигентный, импозантный. Его первыми словами были: «Меня попросили прочитать вам курс о современных проблемах физики. Я не знаю, что это за проблемы, лучше я прочту вам «Основы квантовой механики». Я думаю: «Ни фиги себе!». Это как раз то, что по вечерам изучал один, по книжкам. И тут как ключ в замок. Точное попадание.

— В это время какая-то личная жизнь у вас была, или только о физике думали?

— А как же! У нас самодеятельность была — мы обозрения делали с моим приятелем Сашей Матюшкиным-Герке. Он писал стихи и сценарии, а я — музыку. На втором курсе влюбился. Девушка была старше меня на четыре года. По тем временам она была взрослая женщина, а я — мальчишка. Но я ее чем-то увлек, запудрил мозги. Встречались, ходили по городу, держались за руки, смотрели друг другу в глаза. Ничем это не закончилось. В первой любви всегда остается ощущение чего-то несостоявшегося.

— А роман с ЛЭТИ оказался на всю жизнь?

— После защиты диплома меня оставили в аспирантуре. В 1984 году защитил докторскую, стал профессором. Я нашел здесь себе как преподавателю совершенно адекватное применение — читаю квантовую механику, статистическую физику, физику твердого тела.

— Студенты гудают на ваших лекциях?

— Нет, они в основном сидят молча. Бывают на за задних рядах три-четыре «отвязанных». Я стараюсь действовать на таких иронией, шуткой. Но не той, которая вы-

зывает ржание 100 глоток. Люблю юмор, когда ответом бывает улыбка и ощущение удовлетворения — уловили, прочувствовали... Хотя в последнее время этот метод стало труднее применять — иронию далеко не все понимают. Гоголь, Ильф и Петров порой уже не проходят. Боюсь, что это ушло безвозвратно.

— Я не поняла — вы физик-теоретик для вуза или на сторону? Кем и как используются ваши мысли?

— Научные статьи я публикую во всех журналах — и в наших и в зарубежных, в этом смысле работаю на весь мир.

А о том, как они используются, можно судить по неким косвенным признакам. То, чем я занимаюсь, не имеет непосредственно практического применения. Мои статьи читают другие люди и дальше развивают это направление. Мера научной продуктивности называется скучно — индекс цитирования. Если тебя прочитали, в своих статьях могут упомянуть. И с этой точки зрения все, в общем-то, неплохо. С 2002 года открыт сайт, где ежегодно составляются так называемые активные списки, то есть списки наших ученых, у которых за последние семь лет было не меньше ста ссылок на их работы. Я там есть. Ну и шесть грантов соросовского профессора — это ведь и за научную работу тоже.

— Вопрос дилетанта — теоретизируете вы дома, на работе или еще где? Как вообще этот процесс происходит? Может быть так, что вы едите суп, обглядываете косточку — и приходит мысль?

— Вполне возможно.

Теоретизирую я везде. Раньше, когда был молодой, делал это в электричке. Когда дочка и сын были маленькими, глядел пеленки. Работа замечательная — монотонная, механическая. И в это время хорошие мысли в голову приходят. Обычно они приходят почти случайно.

— Не жалеете о том, что не уехали работать за границу? Были бы сейчас богатым и знаменитым.

— Не жалею. Я с удовольствием во многих странах побывал, мне было интересно. Но это хорошо ненадолго. Не представляю, как бы я провел там полгода или год. Самое долгое — полтора месяца работал в Германии. Это был 92-й год, все рушилось, и я понял, что скоро нам будет нечего есть. Заработал неплохие деньги. С голоду мы не умерли, и я купил старенькую машину — «Форд-Таунус». Появилось еще одно увлечение.

— Актерам иногда задают такой вопрос: какую роль вы хотели бы сыграть, но не довелось? У вас есть такая роль?

— Отвечу неоригинально — считаю, что я, в общем-то, состоялся. Если бы я был человеком более амбициозным, сказал бы, что хотел стать ученым с мировым именем. А у меня так — широко известен в узких кругах. В Ленинграде когда-то работал знаменитый физик-теоретик Владимир Наумович Грибов. Мировая величина. Он говорил: «Я не умнее других, я просто очень много думаю». Я не слишком много думаю. И в этом смысле я получил все, что должен был получить. Наверное, если бы меня посадили в лагерь и сказали: вот тебе еда, от восьми до восьми будешь заниматься только наукой, я бы добился большего. А может быть, и нет...

— Счастье — это когда утром хочется на работу, а вечером — домой. Вы счастливый человек?

— В этом смысле — да.

Наталья КУЗНЕЦОВА